



УДК 1(091)
ББК 87.6

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

И.В. Глушко

В статье рассматривается феномен социального доверия в контексте политических практик: особенности его происхождения, содержательные характеристики, социальные последствия, а также особенности его проявления в современном российском обществе.

Ключевые слова: *доверие, социальное доверие, межличностное доверие, политическая сфера, институциональное (политическое) доверие, социальный капитал, рациональность доверия, гражданское общество, легитимность, толерантность.*

Выявление роли доверия в организации общественной жизни стало задачей многих исследований. В данном контексте разными авторами обычно рассматриваются два аспекта доверия – личностный и общественный – и подчеркивается, что социальное доверие является одним из факторов, поддерживающих устойчивость и интегрированность общества, конструирующих горизонтальные и вертикальные общественные отношения [3, с. 80].

Социальный диалог, происходящий через общественные институты между общественными и политическими акторами, обозначают термином «дискурс». Здесь подчеркивается, что, хотя термин «дискурс» в словаре современного английского языка трактуется буквально как «беседа о предмете на расстоянии», в политике этим термином обозначают не межперсональный, имеющий только личностное значение, диалог «как речевое событие», а диалог в общественном масштабе. Политический дискурс – это вербальный и невербальный обмен смыслами, обоснованными позициями и взглядами в соответствии с убеждениями и с определенными правилами, в результате чего предпринимаются действия для решения социально значимой про-

блемы [9, с. 3]. При этом по возможности все граждане должны быть вовлечены в процесс обсуждения социально-политических и экономических проблем.

Диалогические формы могут быть различны и даже далеки, на первый взгляд, от политической сферы. Формами такого диалога могут быть социокультурное взаимодействие, обмен ценностями, моделями и нормами жизни и др. В современных социологических исследованиях одним из факторов, поддерживающих устойчивость и интегрированность общества, конструирующих горизонтальные и вертикальные общественные отношения, признается социальное доверие. Широкое пространство социального доверия в ряде социологических исследований описывается тремя осями. Первая ось интерпретируется как институциональное (общественное) доверие. Вторая – как личная ответственность на дальней и средней социальной дистанции. Третья – как личная гражданская активность [1].

Доверие к людям вообще, понимаемое как доверительное отношение к людям, о которых индивид не имеет никакой априорной информации, позволяющей ему предвидеть последствия контакта, именуется в изученной нами литературе различными терминами: «генерализированное», «обобщенное», «общее», «дедуктивно-системное», «общественное», «институциональное доверие». Именно такие названия используются рядом исследователей (Зиммель, Луман, Гидденс, Усланер и др.) в связи с доверительным отношением масс к

социальным институтам и политическим лидерам. Исходные позиции для анализа роли доверия в политическом дискурсе дает нам Н. Луман. Он расширяет границы социального доверия в широком социальном взаимодействии до категории «уверенность»: «Доверие является жизненно важным в межличностных отношениях, но участие в функциональных системах, таких как экономика, политика, – это уже не вопрос личностных отношений. Оно требует уверенности, а не доверия» [24, р. 102].

Межличностное доверие, как на ближней, так и на дальней социальной дистанции, образует условия, основания для формирования доверия институционального, которое ряд исследователей интерпретирует также, как социальный капитал или как одно из фундаментальных основ гражданского общества. Между тем ответ на вопрос, является ли доверие следствием или основой построения гражданского общества, не столь однозначен. Р. Патнэм, например, развивал тезис о влиянии участия в некоммерческих организациях на распространение демократических ценностей и экономическое развитие. Он полагал, что участие в разного рода ассоциациях, союзах и т. д. способствует аккумуляции в обществе социального капитала и ведет к увеличению социального доверия в межличностных отношениях. Дж. Коулмен, в свою очередь, придерживался позиции первоочередности доверия, полагая, что доверие способствует накоплению социального капитала, образуя «систему доверия» [12]. Поэтому исследование политического доверия надо начинать с исходных теоретических концепций.

Концептуальные интерпретации политического доверия сосредоточены на проблеме происхождения, или детерминантах доверия. Известные исследователи политической культуры Г. Алмонд и С. Верба классифицируют их в зависимости, во-первых, от источника происхождения доверия – на экзогенные, внешние факторы и эндогенные, внутренние факторы, и, во-вторых, от анализа уровня факторов доверия – на микроуровень и макроуровень [16]. В соответствующих классификациях выделяются две ведущие теоретические традиции объяснения происхождения доверия: культурологическая и институциональная. С учетом принятых в научной и специальной

литературе классификаций составлена условная типология концептуальных интерпретаций политического доверия. Она разработана с применением дополнительных посылок для деления концептуальных трактовок на соответствующие группы. В качестве таких посылок определены: 1) характер синтеза теоретических положений и концептуальных посылок культурологической и институциональной традиций; 2) специфика соединения в концептуализациях природы доверия макро- и микроуровней анализа.

Культурологическая теоретическая традиция интерпретации доверия представлена теориями политической культуры Г. Алмонда и С. Верба, а также Р. Инглехарта. Основные положения данных теорий нашли переосмысление в рамках критического направления, представленного работами М. Фоли, Б. Эдвардса, Р. Джекмена, Р. Миллера, М. Леви и др. Теории политической культуры исходят из гипотезы об экзогенной – по отношению к политической сфере – природе политического доверия. В качестве источника его формирования в гражданском обществе рассматриваются общие ценностные ориентации, укорененные в нормах культуры и воспринимаемые индивидом в период ранней социализации. С культурологической точки зрения политическое доверие есть продолжение (проекция) межличностного доверия, воспринятого в ранний период жизни и оказывающего влияние в последующем на индивидуальные политические оценки. В рамках культурологической трактовки выделяется критическая линия, в которой доверие политическое рассматривается как составляющая социального капитала. Макрокультурологические теории подчеркивают, прежде всего, сходство общих тенденций и характеристик национальных традиций, норм и ценностей, в то время как микрокультурологические теории доверия фокусируют внимание на различиях индивидуального опыта социализации как основных источниках разнообразия характеристик политического доверия в гражданских обществах различных стран. Тезис о сложности (многовариантности) эффектов воздействия культуры на процесс формирования доверия основывается на особенностях социализации личности, обусловленных различиями пола,

возраста, образования, дохода семьи и др., а также индивидуальным жизненным опытом каждого человека. Например, невысокий уровень доверия к институтам демократии в гражданских обществах стран демократического транзита макрокультурологические теории связывают с устойчивой диспозицией недоверия, отличающей авторитарные политические культуры России, стран Восточной и Центральной Европы [23].

Микрокультурологические теории представляют иную интерпретацию и видят источник недоверия в механизмах социализации, осуществляющей межпоколенческую трансмиссию авторитарных ценностей так, что действие ее механизмов пролонгировано рамками определенного временного периода [17; 22, р. 132–153].

Однако оба варианта культурологической интерпретации политического доверия исключают возможность генезиса доверия в переходных обществах в краткие сроки, так как процесс формирования уровня культуры доверия к демократическим институтам, необходимого для их эффективного функционирования, а также развития на этой основе стабильной и консолидированной демократии, требует значительного времени, охватывающего либо несколько десятилетий, либо период смены поколений. Как считает В.Н. Лукин, данный тезис отражает сходство всех вариантов культурологических теорий в трактовке природы детерминирующих факторов доверия. Добавим от себя, что данная точка зрения относительно длительности генезиса доверия в переходных обществах является весьма распространенной в современной западной политической науке и поддерживается рядом российских политологов.

Культурологические концептуальные интерпретации доверия исходят из положения об экзогенности происхождения политического доверия, что является исходным основанием для разработки еще одного важного положения – о связи межличностного и политического доверия. Межличностное доверие рассматривается в качестве основы формирования политического доверия. Доверие, формирующееся по мере межличностного взаимодействия и сотрудничества в рамках формальных и неформальных институтов гражданско-

го общества, прежде всего в местных неправительственных ассоциациях, становится основой для создания общенациональной сети институтов гражданского общества, содействует усилению доверия к действующим политическим институтам, что способствует формированию гражданской культуры. Институционализация взаимодействий на основе доверия в рамках формирующейся гражданской культуры создает условия для развертывания процесса межпоколенческой передачи позитивных (или негативных) диспозиций через механизмы диффузной социализации.

Особенности доверия в политическом дискурсе часто интерпретируются в контексте прикладных социологических исследований, например ряд социологов считает, что соотношение уровней межличностного и институционального доверия (доверия представителям легальной власти) является важнейшим социологическим индикатором, своеобразным «термометром» здоровья общества. Так, Г.Ф. Ромашкина и Ю.П. Абдалова называют несколько возможных вариантов такого соотношения: 1) межличностное и институциональное доверие выше среднего – общество обладает значительным социальным капиталом, а власть способствует его сохранению и воспроизводству; 2) высокий уровень межличностного доверия при низком уровне доверия институционального – общество существует автономно от власти; 3) низкий уровень межличностного доверия при высоком уровне доверия институционального – социум не может функционировать самостоятельно, полностью зависит от властных инициатив; 4) низкое межличностное и институциональное доверие – социальные взаимодействия в обществе практически полностью парализованы; власть не способна контролировать ситуацию, а координированные действия людей сильно затруднены ввиду взаимного недоверия [7].

Однако имеет место и другая точка зрения. Ряд исследователей, среди которых достаточно авторитетных зарубежных, с некоторой долей скептицизма рассматривает возможность прямой связи межличностного и институционального (политического) доверия, а также социального капитала, выдвигая ряд контраргументов. Среди них, в частности, тезис Ф. Фукуямы о «радиусе доверия», под ко-

торым понимается эффект расширения межличностного доверия до масштаба доверия к политическим институтам, что принимается в качестве обоснования утверждения о существенных отличиях радиусов доверия в различных странах – с одной стороны, и сходстве степени межличностного доверия в общественных группах во всех странах – с другой, а это противоречит тезису о перерастании межличностного доверия в политическое. Еще один контраргумент – положение Р. Роуза об обществе «песочных часов», когда между общественно-политическими группами и институтами складывается инверсивная связь, характеризующаяся перемещением вектора общественного доверия в направлении гражданских сетевых структур и, соответственно, потерей доверия к политическим институтам. Сходные концептуальные позиции занимают Д. Брем, К. Ньютон, Д. Муц, Э. Мюллер, М. Селигсон и др. [20; 25; 26]. Среди российских исследователей назовем В.О. Рукавишникову, который отмечает, что «интерпретация генерализованного (обобщенного доверия) как показатель “здоровья общества” является неправильной; межличностное доверие – совсем не то же самое, что социальный капитал. Это сложный конструкт с множеством взаимосвязанных измерений (доверие большинству, доверие институтам и т. д.), и возможное влияние каждого из них на политическую и экономическую жизнь общества зависит от соответствующего социального контекста» [8, с. 22].

Еще одной общей особенностью институциональных версий доверия общества по отношению к политическим институтам является положение о рациональности доверия, то есть его обусловленности прежде всего внутривнутриполитическими факторами, связанными с политическим и экономическим курсом правительства, осознанием гражданами уровня эффективности проводимой им политики. Это положение разрабатывается в рамках теории рационального выбора и обосновывает тезис о том, что институциональное доверие гражданского общества является следствием, а не причиной эффективности действующих политических институтов. Это опровергает привычный для сферы политики тезис о доверии (или недоверии) гражданско-

го общества как факторе успеха деятельности политических институтов. Институционализм в то же время не отрицает влияния культуры и политической социализации как внешних (экзогенных) факторов доверия, однако их воздействие рассматривается не как прямое, а как косвенное, дополняющее эффекты политико-институциональных факторов. Тем самым культура исключается из ряда детерминирующих факторов доверия. Главным фактором является рациональный выбор гражданами институциональной структуры общества, выбор, детерминированный эффективностью действующих политических институтов (Д. Колеман, П. Дазгупта, К. Оррен, С. Скоуронек, К. Шепсл, Д. Старк и др.) [18; 19].

Отметим также еще один важный аспект. Как мы уже показали ранее на примере современного российского общества, межличностное доверие – явление многоструктурное, асимметричное, зачастую отражающее контрасты слоевой близости населения, тогда как институциональное доверие отражает совсем другие социальные реалии. Во многих европейских странах граждане не доверяют исполнительной и законодательной власти, институту предпринимательства и политическим партиям. Так, в России исполнительной власти доверяют всего 17 % населения, 6 % доверяют Государственной думе, и всего 11 % – Совету Федерации. Однако органы безопасности (армия), правоохранительные (полиция) и судебные структуры вызывают устойчивое доверие граждан западных стран, тогда как россияне отказывают им в доверии (72 % не доверяют милиции, наибольшее доверие – 27 % – вызывает армия). Очевидно, что эти данные позволяют представить резервы взаимодействия государства и общества [15, с. 138–140].

Неоднозначность взаимодействия различных уровней доверия и сложности его формирования П. Штомка описывает следующим образом: «Люди не доверяют официальным заявлениям, критикуют средства массовой информации... Официальные авторитеты, как в высших эшелонах власти, так и на местном уровне, отрицаются. Действия правительства расцениваются как тайный сговор, ложь и цинизм или в лучшем случае как глупость и некомпетентность. Что касается частных свя-

зей и отношений, то они явно идеализируются» [13, с. 287]. В этом плане интересен подход данного автора к изучению культуры коммунистического и посткоммунистического периода. Здесь используется термин «блоковая культура», которым обозначается культура с резкой оппозицией двух жизненных сфер – частной и общественной (официальной). В таких условиях граждане апатичны, пассивны и подозрительны, недоверие присуще всему социальному порядку [10].

Особый интерес представляет аспект доверительных отношений граждан к политическому лидеру как главному действующему лицу политики. Политическое доверие, которое граждане испытывают к лидеру, формируется по-разному. В тоталитарном обществе такое доверие сходно с религиозной верой и не требует никаких рациональных обоснований, а у носителя демократического сознания лидер должен это доверие заслужить. Важно то, чем он занимался в прошлом, его моральный облик, точка зрения по самому широкому кругу вопросов. Как пишут Л.Я. Гозман и А.М. Эткинд, «многократно осмеянный в нашей пропаганде интерес к биографиям политических лидеров является отнюдь не только нескромностью и проявлением дурного вкуса, а нормальным стремлением уберечь себя от ошибки при принятии решения в выборе» [2].

Возьмем для примера современное российское общество. Проблема доверия к власти на российской политической арене наиболее явно обозначилась, пожалуй, в период становления такого политического института, как выборы. Анализируя итоги президентских выборов-96 и основываясь на данных мониторинга общественного мнения, известный социолог Ю. Левада выделил несколько базовых типов общественного доверия по отношению к политическим деятелям (при этом вопрос о природе доверия – недоверия социальным институтам не затрагивается): 1) доверие как готовность признать и подчиниться авторитету определенного лица – скорее даже, его должности (пример – отношение к Б. Ельцину); 2) доверие как признание личностных достоинств, как уважение к таланту, интеллекту и прочим качествам, но без перспективы наделяния лица высшими властными полномочиями с расчетом на решение конкретных

общественных проблем (пример – отношение к Г. Явлинскому); 3) доверие как «уверенность» в способности лидера к действиям, направленным на избавление от каких-то бедствий (пример – отношение к генералу А. Лебедю). Обратим внимание, насколько неоднородно сочетаются в данных примерах разные смыслы доверия, уверенности и веры.

Автор приводит и некоторые дополняющие элементы типологии доверия, например гендерные: доверие мужского типа (расчетливое, рационализированное, нуждающееся в практической проверке конкретных действий адресата) и доверие женского типа (нераздельное, ценностно или традиционно подкрепленное). Выделяются также активный и пассивный типы «доверительных» установок. В первом случае отношение доверия эмоционально нагружено, может приводить к мобилизации воображения и коллективным действиям. Во втором – доминирует терпеливая покорность обстоятельствам (по принципу «как бы не было хуже») и отторжение коллективных акций. Такое доверие людей не подымает и не сплачивает («...ничем не жертвуя ни злобе, ни любви») [5].

На наш взгляд, вывод о «пассивном доверии», сделанный Левадой применительно к выборам-96, применим также к прошедшему российскому политическому десятилетию.

Можно согласиться с типологией трех базовых типов доверия, предложенной автором, и констатировать, что данные типы есть и на современной российской политической арене. Однако эта типология нуждается в конкретизации и дополнении. На наш взгляд, применительно к политической сфере уместно употребить термин «развивающееся доверие». По мере развития политической системы уровень доверия к власти изменяется: он может не увеличиваться и не уменьшаться в статистических показателях, но меняться качественно, наполняясь новым содержанием, являясь компонентом социального капитала и важнейшей предпосылкой для развития гражданского общества. Здесь уместно, на наш взгляд, использовать и другие известные в социологии типы доверия: нормативное, персональное, институциональное и социальное (обобщенное, по Гидденсу) доверие. «Любые отношения в социуме определяются некой

актуальной на сегодня нормой доверия, которая и называется нормативным доверием. Последнее... создает условия для доверия институционального и шире – доверия социального, которое и составляет социальный капитал», – пишет Е. Петренко. «Доверие к Владимиру Путину – личное, персональное – в апреле 2008 г. высказывали 69 % опрошенных, это личное доверие, по сути, в два раза шире доверия нормативного. А доверие к правительству, возглавляемому Путиным, уже институциональное, ближе к нормативному, и ниже доверия к главе этого института власти примерно на четверть. Что же касается доверия социального, то в 2008 г. заявили, что большинству людей можно доверять, лишь 18 % респондентов» [1].

Особенностью социально-политического доверия является то, что доверие здесь тождественно чувству групповой солидарности. Чувство доверия, возникающее внутри замкнутой общности, дает ощущение защищенности и внутренней силы, поскольку индивидуальные возможности здесь усиливаются групповой солидарностью. Причем важно, что установка на доверие и способность к проявлению недоверия, как коммуникативный ресурс, вполне могут сосуществовать друг с другом.

Поэтому, как мы считаем, палитра политического доверия окрашена, скорее, в переходные друг в друга, чем контрастные, цвета. Если мы распределим политическое доверие на воображаемой оси по возрастанию его степени от минимума к максимуму, то увидим, что дихотомия «доверие – недоверие к власти» наполнена весьма сложным содержанием и доверие не является альтернативой недоверию. В промежутке между ними можно обозначить еще ряд понятий, среди которых возможны, в частности, «популярность» и «эффективность власти».

Вспомним приведенный выше пример с итогами российских выборов-96, который поясняет, что следует провести четкое разграничение между понятиями «доверие», «легитимность режимов» и «популярность правителя». Если принять во внимание, что социальное доверие является необходимым условием сотрудничества между людьми, формирует ожидания человека относительно пове-

дения другого, основанного на общих нормах и ценностях, то уместно дополнить палитру институционального доверия такой социокультурной ценностью, как «толерантность» (или «терпимость»), определяемая как «стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в каком-то отношении от преобладающего типа жителей данного региона или не придерживаются общепринятых мнений» [6]; или толерантность в общем смысле – это «отсутствие или очень слабое реагирование сторон на конфликтогенный фактор» [12, с. 151]. Продвигая в социальный дискурс категорию «уверенность», Н. Луман, например, полагает, что недостаток уверенности может привести к возрастанию чувства отчужденности, «уединению индивида в малых кругах» и, как следствие, распространению интолерантных установок [24, с. 104]. Мы уже отметили, что нечто похожее наблюдается в современном российском обществе, где отсутствие уверенности в стабильности и безопасности общества выражается в ограничении круга доверия близкими родственниками и друзьями.

Еще один сюжет, представляющий особенности доверия в сфере политики, – это зависимость между типом организации политической власти и особенностями организации социально-политического дискурса. Л.Я. Гозман и А.М. Эткинд проводят различия между либерально-демократическим и авторитарно-тоталитарным типами организации власти. Первый тип основан на характерном для него процессе, который отсутствует во втором типе. Этот процесс – общественный диалог, то есть взаимодействие разных индивидов, групп и институтов в поле общественного сознания, в котором каждый партнер относится к другому как субъекту, признавая его ценность, право на существование и независимость [2].

Понятие «доверие» характеризует здесь качество жизненных, социальных отношений и относится к такому важному ресурсу любого государства, как «человеческий» или «социальный капитал». Авторитарно-тоталитарная власть изъясняется монологами, диалог здесь просто не с кем вести, он невозможен и не нужен. Важнейшим феноменом авторитарного сознания является массовое отчуждение

от власти, что порождает чувства недоверия, тревоги, апатии и даже отвращения к действиям власти. Всякие, даже разумные решения вызывают скепсис и усмешку. Либерально-демократическое общество, напротив, ведет прямой и непрерывный диалог с властью. В диалоге преодолевается отчуждение партнеров, их позиции важны и заслуживают внимания в равной мере.

Однако данные авторы отмечают и различия между либеральной и демократической властью. Эти различия кроются в разных способах организации диалога. Либеральная власть позволяет обществу и разным социальным группам влиять на принимаемые решения. Демократическое общество само выбирает носителей власти и через них – тот или иной вариант решения. В свою очередь, Р. Ингхард, исследуя особенности доверия в различных политических типах общества, отмечал, что «межличностное доверие, субъективное благополучие, разумные уровни неравенства доходов, низкие уровни экстремизма, относительно высокие уровни политического участия... – это части единого взаимосвязанного синдрома, который можно назвать “продемократической культурой”». И все эти переменные тесно связаны с устойчивой демократией. Но самые высокие корреляции со стабильной демократией имеют межличностное доверие и субъективное благополучие» [21, с. 194].

Выводы

1. Доверие в связи с отношением масс к социальным институтам и политическим лидерам соотносимо с понятиями «социальное (обобщенное)», «генерализированное», «общее», «дедуктивно-системное», «общественное», «институциональное» доверие. В широком социальном взаимодействии оно расширяется до категории «уверенность».

2. Детерминанты политического доверия дифференцируются в зависимости от: 1) источника происхождения доверия – на экзогенные (внешние) и эндогенные (внутренние); 2) анализа уровня факторов доверия – на микроуровень и макроуровень. В соответствующих классификациях выделяются две теории, объясняющие происхождения политического доверия: культурологическая и институциональная.

3. Культурологическая парадигма предполагает гипотезу экзогенной (по отношению к политической сфере) природы политического доверия, его источниками называют общие ценностные ориентации, культурные нормы, воспринимаемые индивидом в период ранней социализации, поэтому политическое доверие есть проекция доверия межличностного. Макрокультурологические теории подчеркивают сходство общих тенденций и характеристик национальных традиций, норм и ценностей, в то время как микрокультурологические теории фокусируют внимание на различиях индивидуального опыта социализации, лежащих в основе разнообразия характеристик политического доверия в гражданских обществах различных стран. Однако оба варианта культурологической концепции политического доверия исключают возможность генезиса доверия в переходных обществах в краткие сроки.

4. Вторая – институциональная теория – в рамках теории рационального выбора выдвигает положение о рациональности доверия на основании полезности и эффективности действующих политических институтов, поэтому институциональное доверие является следствием, а не причиной эффективности действующих политических институтов. По мере развития политической системы уровень доверия к власти изменяется: он может не увеличиваться в привычных статистических показателях, но меняется качественно, наполняясь новым содержанием. Здесь можно различать нормативное, персональное, институциональное, социальное и другие виды и типы доверия, в том числе к политическим лидерам. Существуют два основных пути формирования доверия к политическим деятелям: эмоционально-чувственный (заражение, внушение, обаяние, харизма политика) и рациональный (убеждение, авторитет, принуждение).

5. Политическое доверие можно определить как показатель отношения масс к политикам, органам власти, политической системе, государству в целом, содержанием которого является вера людей в их способность эффективно управлять, используя властные права и полномочия. Дихотомия «доверие-недоверие к власти» весьма сложна, и доверие не является альтернативой недоверию. В ди-

хотомии между ними можно обозначить еще ряд понятий – характеристик власти – «популярность», «эффективность», «легитимность», «толерантность». В частности, недостаток уверенности может привести к возрастанию чувства отчужденности, уединению индивида в своей малой группе и, как следствие, распространению интолерантных установок.

6. Условия для формирования институционального доверия создает межличностное доверие, однако связи между ними неоднозначны и являются предметом дискуссий, что просматривается на примере современной России. Если динамика межличностного («особо личного») доверия в России в начале XXI века развивается по возрастающей траектории, то о росте политического участия, членства в организациях гражданского общества, доверия властным институтам и других составляющих «продемократической культуры», тесно связанных с устойчивой демократией, этого сказать нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галицкая, Е. Давайте доверять друг другу с полуслова / Е. Галицкая, Е. Петренко // Гражданское общество: картография российских регионов по результатам опросов ФОМ 2007–2008 гг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/news/recent/5019896.html> (дата обращения: 10.11.2009). – Загл. с экрана.

2. Гозман, Л. Я., Эткинд, А. М. Люди и власть: от тоталитаризма к демократии / Л. Я. Гозман, А. М. Эткинд. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/gorby/homosovet/gozman.htm> (дата обращения: 22.11.2009). – Загл. с экрана.

3. Заболотная, Г. М. Феномен доверия и его социальные функции / Г. М. Заболотная // Вестник РУДН. – 2003. – № 4–5. – С. 79–85.

4. Левада, Ю. Факторы и фантомы общественного доверия / Ю. Левада // От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993–2000 гг. / Ю. Левада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 574 с.

5. Лукин, В. Н. Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели / В. Н. Лукин // CREDO NEW. – 2009. – № 3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/500/30/> (дата обращения: 12.11.2009). – Загл. с экрана.

6. О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2008 год: Ежегодный доклад Общественной палаты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.oprf.ru/files/Dk-OPRF-2008.pdf> (дата обращения: 10.11.2009). – Загл. с экрана.

7. Ромашкина, Г. Ф. Сети межличностного и институционального доверия как ресурс неформальной экономики / Г. Ф. Ромашкина, Ю. П. Абдалова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. – 21 с.

8. Рукавишников, В. О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения / В. О. Рукавишников // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 22–30.

9. Тимофеева, Л. Власть и оппозиция: проблемы политического дискурса (К «совершеннолетию» российской оппозиции) / Л. Тимофеева // Власть. – 2007. – № 4. – С. 3–9.

10. Фрейк, Н. В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки // Н. В. Фрейк // Социологические исследования. – 2006. – № 11. – С. 10–18.

11. Шарков, Ф. И. Мониторинг напряженности и толерантности: Теория и методика исследования / Ф. И. Шарков // Социальное согласие и толерантность в современном мире / отв. ред. З. Т. Голенкова, Г. М. Денисовский. – Вып. 2. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, ИС РАН, 2002. – 192 с.

12. Швери, Р. Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналитический обзор / Р. Швери // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2. – С. 62–81.

13. Штомпка, П. Социология социальных изменений: пер. с англ. / П. Штомпка / под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

14. Шукюрова, М. Г. Доверие как социально-психологический феномен в политике: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / М. Г. Шукюрова. – М., 2005. – 155 с.

15. Шушпанова, И. С. Демократическое государство: социологическое измерение / И. С. Шушпанова // Социс. – 2005. – № 10. – С. 138–140.

16. Almond, G. The Civic Culture / G. Almond, S. Verba. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963. – 498 p.

17. Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations / H. Eckstein, F. Fleron, E. P. Hoffman, W. M. Reisinger. – Lanham, H.D.: Rowman and Littlefield, 1998. – 420 p.

18. Coleman, J. Foundations of Social Theory / J. Coleman. – Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1990. – 196 p.

19. Dasgupta, P. Trust as a Commodity / P. Dasgupta // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / ed. by D. Gambetta. – Oxford, UK: Basil Blackwell, 1988. – P. 49–72.

20. Fukuyama, F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstruction of Social Order / F. Fukuyama. – N. Y.: Free Press, 1999. – 354 p.

21. Inglehard, R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies / R. Inglehard. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 194 p.

22. Joyce, J. M. The Old Russian Legacy // Foreign Policy. – 1984. – Vol. 55. – P. 132–153.

23. Keenan, E. Muscovites Political Folkways / E. Keenan // Russian Review. – 1986. – Vol. 45. – P. 115–181.

24. Luhman, N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives / N. Luhman // Trust: Making

and Breaking Cooperative Relations (electronic edition) / Ed. by D. Gambetta. – Oxford : University of Oxford, 2000. – Ch. 6. – P. 94–107.

25. Muller, E. Civic Culture and Democracy: the Question of Casual Relationships / E. Muller, M. Seligson // American Political Science Review. – 1994. – Vol. 88. – P. 635–652.

26. Rose, R. Russia as an Hour-Glass Society: A Constitution Without Citizens / R. Rose // East European Constitutional Review. – 1995. – Vol. 4, № 3. – P. 34–42.

SOCIAL TRUST ROLE IN THE POLITICAL DISCOURSE ORGANIZATION

I. V. Glushko

The phenomenon of social trust in the context of political practices is considered in the article. The peculiarities of the origin, substantial characteristics, social consequences and its special features in the modern Russian society are highlighted.

Key words: *confidence, social trust, interpersonal confidence, political sphere, institutional (political) confidence, social capital, confidence rationality, civil society, legitimacy, tolerance.*